

NOMEN EST OMEN В РОМАНАХ АНДРУХОВИЧА

Виктория Лебович

(Lebovics Viktória, Budapest)

Юрий Андрухович, современный украинский поэт, прозаик, эссеист, переводчик, родился 13 марта 1960 года в Станиславове (ныне Ивано-Франковск), в 2000 году получил премию им. Гердера. Андрухович закончил редакторское отделение Украинского полиграфического института во Львове (1982) и Высшие литературные курсы при Литературном институте в Москве (1991).

Творчество Андруховича формально можно разделить на поэтическое и прозаическое. Поэтический дебют автора приходится на первую половину 80-х годов и приводит к выходу в свет сборника *Небо і площі* (1985). В этом же году Андрухович вместе с В. Небораком и А. Ирванцем основал поэтическую группу Бу-Ба-Бу (сокращения слов «бурлеск – балаган – буффонада»), значение которой для каждого из трех основателей «с годами изменялось от чего-то похожего на „внутренний таинственный орден” до „прикладной квазифилософии жизни”». ¹ Однако второй сборник поэзий Андруховича *Середмістя* (1989) носит далеко не «бубабистский», а скорее «элегийно-классицистический» характер. Вместе с тем абсолютно «балаганно-ярмарочным» можно считать третий сборник стихов поэта *Екзотичні птахи і рослини* (1991). ²

Из прозаических произведений Андрухович впервые опубликовал цикл рассказов *Зліва, де серце* в 1989 году, представляющий собой фактографическое описание службы автора в армии. А в 1991 году вышел в свет параисторический рассказ *Самійло з Немирова, прекрасний розбишака*, «который предвещает все характерные черты будущей прозы Андруховича: склонность к игре с текстом и читателем, мистификаторство (кстати, достаточно прозрачное), коллажность, эротизм, любовь к магическому и чрезвычайному, [...] объединение патетики с иронией, склонность к стилизаторству и замена „лирического героя” все новой и новой „маской”». ³

¹ «Я знал, я был почти уверен, что где-то оно-таки вынырнет в океане слов этой объемистой книги – волшебное и доныне привлекательное слово „бубабу”! Мы – двое моих ближайших друзей-поэтов и аз, грешный, – в свое время сделали все, что от нас зависело для того, чтобы это слово стало чем-то вроде опознавательного знака „украинской поп-культуры”. Именно так, сократив по-большевистски три ключевых для нас понятия бурлеска, балагана и буффонады, мы назвали в 1985 году свою группу. Нам казалось, что через несколько лет именно так, только на письме уже чуть иначе – Бу-Ба-Бу – должна будет зваться новая украинская религия.» Ю. Андрухович. *О популярности как химере* // http://vitaly.rivne.com/andrukhovych/artc_12.htm.

² См. <http://vitaly.rivne.com/andrukhovych/bio.htm>.

³ См. там же.

На сегодняшний день Юрий Андрухович издал 4 романа: *Рекреації* (1992),⁴ *Московіада: роман жахів* (1993),⁵ *Перверзія* (1996)⁶ и *Дванадцять обручів* (2004)⁷. При желании первые три романа автора можно рассматривать как трилогию: героем всех трех произведений является богемный поэт, попадающий в эпицентр фатальных преобразований «физики в метафизику» и наоборот. «Все романы представляют собой достаточно ошутимую жанрово-стилистическую смесь, включающую в себя исповедь, „черный реализм“, триллер, готику, сатиру.»

Владимир Ешкилев в 2000 году по поводу сорокалетия Юрия Андруховича писал: «Писательская карьера Патриарха эстрадно-катакомбной поэтической конфессии Бу-Ба-Бу Юрия Андруховича развернулась на фоне смены общественных формаций и была беспрецедентно успешной. От устного выговора двадцатипятилетнему поэту за безыдейность в кабинете тогдашнего первого комсомольца республики [...] до издания двух романов в канонизирующей серии *Українська модерна література* минуло чуть более десятилетия. Может, столь быстрый взлет на столь высокую орбиту объясняется карнавальными особенностями ракеты-носителя „Бу-Ба-Бу“? Ведь Первая Свобода при Новой Власти, как известно, всегда приходит в обличье Большого Карнавала. Можем признать: именно Патриарх и его бубабистский клир предложили украинской литературе пребывание в формате **веселой ответственности** за самое себя. Если до них литературное самопознание нации напоминало скорбное шествие с гробами героев минувшего, то, после поэтических манифестаций начала 90-х с Карнавалом-от-Андруховича во главе, украинская читающая элита ощутила себя (наконец-то!) не в конце, а в начале пути.»⁸

Эссеистика Андруховича возникает в результате его частых поездок за границу и постепенно складывается в «книгу наблюдений» о «современных особенностях европейского культурно-исторического ландшафта». Первый вариант такой книги – *Дезорієнтація на місцевості* (1999). Немного позже Юрий Андрухович издает книгу *Моя Європа: Два есеї про найдивнішу частину світу* вместе с польским писателем Анджеем Стасюком, в которой произведение Андруховича *Центрально-східна ревізія* представляет собой

⁴ Ю. Андрухович. *Рекреації*. «Сучасність». 1992.

⁵ Ю. Андрухович. *Московіада: роман жахів*. «Сучасність». 1992; Ю. Андрухович. *Московіада*. М., 2001.

⁶ Ю. Андрухович. *Перверзія*. Львів, 2001.

⁷ Ю. Андрухович. *Дванадцять обручів*. Київ, 2004.

⁸ В. Ешкилев. *Патриарх цирка «Вагабундо»*. (13 марта 2000 года Ю. Андруховичу исполняется 40 лет). // http://vitaly.rivne.com/andrukhovych/artc_15.htm.

«попытку предельно откровенного осмысления своего собственного „места и времени”».⁹

Произведения Юрия Андруховича переведены на многие языки мира. На венгерском языке вышел в свет роман *Рекреації*, книга *Моя Європа: Два есеї про найдивнішу частину світу* и некоторые другие произведения автора. Готовится перевод романа *Московиада*,¹⁰ который выйдет в свет в этом году вместе с переработанным изданием венгерского варианта *Рекреацій*.

Поэтический стиль прозы Юрия Андруховича исключительно разнообразен и богат. Важным элементом этого стиля являются имена персонажей в художественных произведениях. Автор, вероятно, согласен с утверждением, согласно которому «В подлинном художественном произведении говорящи все имена и самые повседневные выразительны не меньше, чем редкие или вымышленные; каждое участвует в формировании образа, о каждом можно сказать словами Гоголя „каркнет само за себя прозвище и скажет ясно, откуда вылетела птица”».¹¹

Выбор имен персонажей, как главных, так и второстепенных в романах Андруховича абсолютно не случаен. Это совершенно очевидно даже поверхностному читателю. А для исследователя литературной ономастики черты романа писателя представляют собой настоящий клад.

Вашему вниманию предлагается иллюстрация вышесказанного на основе отдельных примеров из романов Юрия Андруховича *Рекреації*, *Московиада: роман жахів*, *Переверзія* и *Дванадцять обрuchів*.

Андрухович, тонко чувствующий язык, (а сам он говорит кроме украинского на русском, польском, немецком, английском, а может быть и на других языках), любит играть со словами и, соответственно, с именами.¹² Ав-

⁹ См. <http://vitaly.rivne.com/andrukhovych/bio.htm>.

¹⁰ J. Andruhovics. *Rekreáció* (regény). Bp., 1999; A. Stasiuk – J. Andruhovics. *Az én Európám* (esszé). Bp., 2004; J. Andruhovics. *Shevchenko is OK. Esszék Ukrajnáról*. Bp., 2004.

¹¹ В. А. Никонов. *Имена персонажей // Поэтика и стилистика русской литературы*. Л., 1971. 418.

¹² В наименьшей мере интересны писателю названия. Вот, например, любопытная история о названии родного города Юрия Андруховича: «Ко всем несчастьям получилось так, что в один прекрасный день город был лишен своего исторического имени. Так пожелала тогдашняя верхушка, даже к географии подходившая с классовыми критериями. Она посчитала совершенно недопустимым и впредь увековечивать графское имя Станислава Потоцкого. Так была „социально заказана” целая система настолько же громких, насколько и сомнительных аргументов в пользу переименования (впрочем, проблема зыбкости аргументов не слишком повлияла на ситуацию ввиду полнейшего отсутствия какой бы то ни было дискуссии). Жертвой был определен Иван Франко, фигура для украинской литературы буквально „столбовая”. Но поскольку во время переименования – начало 60-х годов – в Испании правил отнюдь не симпатичный нам диктатор Франко, переименователям приходилось учитывать и его фактическое существование. И дабы в Москве, а следовательно и в Киеве, никто не подумал, что в названии города пытаются почтить ненавистного каудильо, была принята крайне дилетантская форма „Ивано-Франковск” (кто-то из русских писателей шутил по этому поводу насчет

тор кодирует, а читатель, если хочет и может, расшифровывает. Занятие интригующее.

В недавно вышедшем в свет романе *Дванадцять обручів* буквально на первой странице упоминается бывшая подруга главного героя Цумбрунна. Девушке надоело, что ее жених постоянно ездит и много времени проводит в Украине: *Дівчина, з якою він прозустрічався вісім років (її ім'я було Ева. – Марія й невідомо кого саме – Марії чи Еви було в ній більше), одного ранку повідомила, що має досить.*¹³ В данном случае происходит актуализация значений общеизвестных в культурном узусе библейских имен, характеризующая как девушку, так и Цумбрунна. Кто же эта девушка? Святая Дева Мария, которая долго и безропотно терпела поездки своего суженного, но больше уже не в состоянии его ждать? Или же Ева, вкусившая в раю запретный плод, всегда и во всем действующая согласно какой-то – мужчинам абсолютно непонятной – чисто женской логике? И правда ли, что Цумбрунн хватил через край своими поездками, что никакие отношения не способны выдержать такое количество длительных разлук? Или же он обычный мужчина, любящий свое дело, подруга которого не способна понять его?

Игра со словами, именами у Юрия Андруховича происходит не только на уровне семантики, но и на уровне фонетики. События романа *Московиада* разворачиваются в литературном общежитии, жители которого напоминают не столько творцов литературы, сколько ее персонажей.¹⁴ 34-летнего коменданта общежития, чучмека-дагестанца, зовут *Рамазанов Муртаза* или, может, как раз совсем наоборот – *Муртазаев Рамазан*.¹⁵ Остроумный «фонетический» оксюморон безусловно подчеркивает происхождение коменданта, а также обыгрывает значение 9-го месяца мусульманского лунного года хиджры.

В игре с именами Андрухович обращается также к хорошо известному и широко распространенному в первую очередь во второй половине XVIII – начале XIX века приему использования так называемых «говорящих имен». В литературном общежитии *живут писатели, да еще и «со всего конца» Советского Союза*.¹⁶ Среди них русский поэт Ежевикин (ежевика + -ин); Николай Палкин (палка + -ин), издавший сборник стихов *Расплела косу береза;*

„Антоно-Чеховска”). Более тридцати лет прошло с тех пор, и – ничего не поделаешь – новое название практически необратимо воцарилось в сознании и речевой практике, несмотря на всю свою искусственность. Я даже слышал, как сегодняшние тинейджеры любовно уменьшают его, называя „Франек”». Ю. Андрухович. *Станислав и феномен ферментации* // http://vitaly.rivne.com/andrukhovych/artc_14.htm.

¹³ Ю. Андрухович. 2004. 15.

¹⁴ Ю. Андрухович. *Московиада*. 7.

¹⁵ Там же. 11.

¹⁶ Там же. 7.

белорусский новелист Ермолайчик (ермолка + -чик); Суздальский поэт Костя Сероштанов (серые штаны + -ов); якутский писатель Вася Мочалкин (мочалка + -ин) и т. д.

Соответственно традиции говорящие имена Андруховича обыгрываются в тексте согласно тому же принципу, который применяли писатели-предшественники, например, Грибоедов:

Чацкий:

*Я пользуюсь минутой,
Свиданьем с вами оживлен,
И говорлив; а разве нет времен,
Что я Молчалина глупее? Где он, кстати?
Еще ли не сломил безмолвия печати?
Бывало песенок где новеньких тетрадь
Увидит, пристаёт: пожалуйста списать.
А впрочем, он дойдет до степеней известный,
Ведь нынче любят бессловесных.*¹⁷

Например, Вася Мочалкин, основоположник якутской советской литературы, студент 4 курса и почетный оленевод как-то раз *налявся бухлом*,¹⁸ т. е. сильно напился, а значит пропитался спиртным, как мочалка водой; весь промок и намок, и всю ночь проездил в лифте вверх-вниз. А Костя Сероштанов *стих написал о том, как разозленные девки облили его отроческий писюн* (находящийся, вероятно, в серых штанах – Л. В.) *кипятком за то, что он подглядывал, как они шебуршат в сельской бане*.¹⁹ Стихотворение Сероштанова оказалось неплохим, так как самое деликатное место у Кости очень болело. Семантическое значение «говорящих фамилий художников слова» реализуется на основе достаточно прозрачных ассоциаций, вызванных краткой характеристикой персонажа.

В некоторых случаях имя становится «значимым» благодаря его «производным». Живущий в углу предбанника под кучей старого тряпья Иван Новаковский – литератор, издатель, культуролог и бомж – имеет два прозвища: Новокаин и Ваня Каин. Типичное русское имя Иван Новаковский само по себе ничем особенным внимания читателя не привлекло бы. Однако благодаря наличию прозвищ в фамилии Новаковский актуализируется корень *нов-* в форме существительного с суффиксом *-ак*, придающим фамилии пренебрежительный оттенок. А Новокаин – это лекарственное средство для обезболивания и лечебных целей, которое в данном контексте благодаря фонетическому созвучию ассоциируется со значением наркотического средства «кокаин».²⁰

¹⁷ А. С. Грибоедов. *Горе от ума*. М., 1950. 25.

¹⁸ Ю. Андрухович. *Московиада: роман жажив*. 45.

¹⁹ Ю. Андрухович. *Московиада*. 23.

²⁰ Там же. 20.

Живет в общежитии семнадцатилетний лирический юноша, назовем его Слава.²¹ Лексическое значение слова, а соответственно и имени «Слава» — это «почетная известность как свидетельство всеобщего уважения, признания заслуг и таланта». Слава также лишен фамилии, как Стас Якийсь-Єнко в рассказе Владимира Дибровы *Перекладач*,²² что у обоих писателей призвано подчеркнуть типичность персонажа. Бесславная судьба семнадцатилетних Слав одинакова. Слава пишет рифмованные строфы в общую тетрадь, которую держит в секретном месте под бачком унитаза. Стихи, как правило, носят названия производные от романтических женских имен: «Аэлита», «Консуэла», «Анготей», «Айседора», «Лолита». Несомненно здесь скрывается одно и то же существо, преимущественно Люся или Нюся, одноклассница...²³ Преуспев в литературном творческом конкурсе Слава покидает свой вишневый, зачуханный, свой задрыванный Партизанск или Мухоморск, город химиков, и отправляется на завоевание Москвы. Ему, естественно, удастся поступить. Но на этом и заканчивается вся поэзия. Дальше — даже не проза.²⁴ За пять лет Слава усвоил суровую, как мачеха, общежитскую науку действительности.²⁵ В бесславной истории Славы организующим принципом является контраст, противопоставление возвышенного и низменного: романтические стихи и унитаз, Люся-Нюся и романтически возвышенные экзотические женские имена, идеалистические ожидания и прозаическая действительность, лирическое начало и плачевный конец.

Как-то ночью в общежитии перед дверью своей комнаты главный герой романа украинский поэт Отто фон Ф. видит Довольно приятного внешне и не в меньшей мере пьяного парня.²⁶ Руслан через окно главного героя спускается по пожарной лестнице за водкой. Вернувшись, он падает с высоты седьмого этажа и разбивается насмерть. Смерть парня предвосхищается в описании запахов поздней московской осени, ворвавшихся в раскрытое окно, среди которых встречается замерзший ноябрьский воздух, запах мертвой листвы и заброшенных кладбищ.²⁷ Служивший раньше в десанте Руслан обращается к фон Ф. не иначе как: *Командир!*, Фон Ф. в свою очередь называет его защитником родины. Таким образом здесь в тексте обыгрывается герой, «павший» за родину. И хотя имя Руслан — это имя богатыря, героя русских народных песен, былин, сказок, восходящее к тюркскому „arslan” со зна-

²¹ Там же. 28.

²² См. В. Діброва. *Перекладач. Четвер № 14, проект «Діброва»*. Часопис текстів і візії. Львів, 2002. 127.

²³ Ю. Андрухович. *Московиада*. 28.

²⁴ Там же. 28–29.

²⁵ Там же. 29.

²⁶ Там же. 33.

²⁷ Там же. 34.

чением „лев”,²⁸ в данном случае особо акцентируется первый слог имени. Русский герой, «Руслан Победитель» отдал жизнь не за родину, а за бутылку водки.

Контраст, противопоставление жизни и смерти закодировано в фамилии одного из поэтов и в первом романе Юрия Андруховича *Рекреації*, в котором четыре поэта едут в Чортополь на праздник Воскресающего Духа. Один из них, бессмертный поэт Юрко Немирич (т. е. тот, кто не умрет), смертельно болен. Когда к нему обращаются в традиционной для украинского языка звательной форме слова «господин», т. е. называют его «пане Немирич», Юрко шутит: *Я не Ненемирич, я – Немирич*.²⁹ Тройное отрицание восстанавливает исходное значение бессмертия фамилии и аннулирует утверждение двойного отрицания. Таким образом Юрко Немирич настойчиво подчеркивает свое бессмертие. Вместе с тем именно его образ в романе связан с разнообразными атрибутами смерти. Вот несколько примеров:

1. В разговоре об одном уже умершем поэте Немирич говорит: *...в певному розумінні поет Микола Нагнибіда вічно живий і всюдишущий...*,³⁰
2. Во время перехода из пивного бара в ресторан под землей Мартофляк вспоминает Немирича, и думает о нем так: *...і тебе, Юрко Немирич, що вмираєш повсякдень у цьому дурнуватому світі, а всі думають, що ти лише вимахуєшся, ви славні, великі хлопці, я віддам усе золото земне за один-єдиний рядок будь-кого з вас...*,³¹
3. После того, как Юрко произнес тост в присутствии короля рекета Пети, Хомский предупреждает товарища: *Це твоя лебедина пісня, старий*.³²
4. А когда Немирич подарил том своих стихов Пете, Мартофляк спросил: *Ігорку, як ти гадаєш, хто з них більше нежилець на цьому світі – Хома чи Немирич? – Гадаю, що я, – відповів за Білінкевича Немирич*.³³
5. В вилле с грифонами, куда попадает Юрко Немирич ночью во время праздника Воскресающего Духа, играют в карты не на жизнь, а на смерть. Тут есть все: и *мертовна блідість облич*,³⁴ и *потойбічний погляд дель Кампо*,³⁵ и чекали нового *приреченого*,³⁶ и фінальний

²⁸ М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. т. 3. М., 1987. 520.

²⁹ Ю. Андрухович. *Рекреації*. 33, 70.

³⁰ Там же. 33.

³¹ Там же. 42.

³² Там же. 48.

³³ Там же. 49.

³⁴ Там же. 73.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

*траурний супровід музики Генделя, и стол накритий чорною скатертиною,*³⁷ со свечкой, а также одетый в монашескую рясу и епископскую митру наоборот пан Попель – т. е. атрибуты жертвоприношения и смерти.

Роман *Переверзія* починається з того, що в Венеції таємниче зникає український поет и культуролог Станіслав Перфецький. И читатель узнает о том, что: *Він чудово знав безліч мов – англійську, німецьку. Він мав безліч облич і безліч імен. У колах новітньої богемної спільноти його кликало не тільки Перфецький. Йона Риб, Карп Любанський, Сом Рахманський, Перчило, Сильний Перець, Антипод, Бімбер Бібамус, П'єр Долинський, Камаль Манхмаль, Йоган Коган, а ще – Глюк, Блюм, Врубль і Штрудль [...] І це – далеко не повний перелік.*³⁸

Все имена Стаса имеют определенную этимологию и связаны с различными этапами его пути в Венецию. Рассмотрим некоторые из них. После Перемышля Перфецький прибуває в Краков: *Перфецький, він же Йона Риб, почувся як риба у воді.*³⁹ Прочитав две лекции в Ягеллонском университете, он решил еще немного пожить в Кракове, заручился поддержкой каких-то хулиганов и криминогенов, вакханализовал и назвал эту акцию *Татарин у місті. Сцени з історії Кракова*. Результатом были четыре разбитые витрины, стихийные драки, чтение цитат из произведения Шевченко у памятника Мицкевичу и ...*ціла фіра порожніх пляшок з-під ялівцівки, горіхівки, перціавки, циринівки, шафранівки, пива «Окоцім» та інших слов'янських напоїв, якими Перфецький, він же Бімбер Бібамус, заливав себе і своїх безіменних приятелів.*⁴⁰ Имя Бимбер Бибамус, шутливо пародирующее имя ученого, можно было бы перевести с польско-латинского языка, если бы такой язык существовал, на русский следующим образом: Самогонку Пьем. Так как «bimber» по-польски – это изготавливаемый кустарным способом спиртной напиток, а «bibamus» – это первое лицо множественного числа настоящего времени латинского глагола «bibere», т. е. «пить».

Для юмора писателя характерно то, что одно из самых элегантных, красиво звучащих, аристократических имен из всех перечисленных – П'єр Долинський – образовано от польского глагола «pierdolić», обозначающего нецензурный вариант выражения «вступать в половые отношения». Имя является дополнением и иллюстрацией к тому, что в Вене Стас устроился танцором в полулегальный стриптизклуб, где *витинав складні еротичні фігури для задоволення старших пань, постійних відвідувачок.*⁴¹

³⁷ Там же.

³⁸ Ю. Андрухович. *Переверзія*. 10.

³⁹ Там же. 15.

⁴⁰ Там же. 16.

⁴¹ Там же. 17.

А что касается дальнейшего анализа значений и расшифровки имен персонажей в романах Юрия Андруховича, остается лишь повторить фразу из цитаты: *І це – далеко не повний перелік.*⁴²

⁴² Там же. 10.



Kiadja a JATEPress
6722 Szeged, Petőfi Sándor sugárút 30–34.
<http://www.jate.u-szeged.hu/jatepress/>

Felelős kiadó: Dr. Ferincz István egyetemi docens, intézetvezető
Felelős vezető: Szőnyi Etelka kiadói főszerkesztő
Méret: B/5, példányszám: 200, munkaszám: 17/2007.